

Однако танца так и не последовало.

Наконец наступил день зимнего солнцестояния.

В этот день не было снега, выглянуло даже давно не показывавшееся солнце, словно сами небеса ожидали жертвоприношения государства Цзян.

Цзян Цзэ облачился в парадные одежды императора и прямо стоял на алтаре Хуаньцю за пределами столицы. Цзян Су стоял у подножия жертвенника, слегка приподняв голову, и на мгновение ему показалось, что под ясным небом и ярким солнцем стройная фигура и чистый, изящный силуэт его младшего брата необыкновенно прекрасны.

Он слегка изогнул губы, словно с облегчением улыбнувшись.

Обряд жертвоприношения Небесам включал в себя множество сложных ритуалов. Когда Цзян Цзэ зачитал длинный текст молитвы и зазвучала ритуальная музыка, они наконец подошли к этапу сожжения жертвенных даров.

Более десятка слуг на железных поддонах принесли заранее заготовленные вязанки хвороста и сложили их в юго-восточном углу алтаря. Цзян Цзэ взял факел и шаг за шагом приблизился к поленнице высотой почти в человеческий рост.

Но его движения внезапно замерли.

Он резко развернулся назад!

Рассекая воздух со свистом, летела стрела с непреодолимой силой, чиркнув прямо по его лбу. Не успел он выпрямиться, как поленница издала глухой стук, и кто-то выпрыгнул изнутри, с воплем устремившись сверху вниз с мечом, нацеленным прямо ему в грудь.

Цзян Цзэ решительно преградил путь факелом. Раздался резкий скрежет — клинок пронзил деревянную рукоять факела и продолжил движение к его груди! Цзян Цзэ не отступил, а подался вперед, резко толкнув рукоять на самый эфес короткого меча, едва удерживая натиск колющего удара.

Выпрямившись, он швырнул разломившийся надвое факел в убийцу, и тот отбил его ударом меча. Однако, возможно из-за попавшего на одежду масла, небольшой участок ткани вспыхнул. Убийца не обратил внимания на эту едва заметную случайность и снова нанес удар мечом.

Он встретился взглядом с парой знакомых и в то же время чужих, леденящих душу глаз. Его зрение мгновенно сузилось, а аура резко переменилась.

С невероятной скоростью он увернулся в сторону, крепко ухватив правую руку убийцы с занесенным мечом, а другой рукой с молниеносной точностью сжал ему горло. В следующее мгновение послышался хруст, тело убийцы обмякло, и Цзян Цзэ воспользовался моментом, чтобы сломать ему руку, а затем обратным движением вонзил короткий меч прямо в грудь, насквозь пробив сердце.

Из груди убийцы брызнул фонтан крови, его глаза остекленели от ужаса, и наконец он медленно осел на землю!

От появления убийцы до молниеносной ответной расправы Цзян Цзэ прошло лишь мгновение. Всё произошло настолько быстро, что гражданские чиновники успели лишь испуганно закричать что-то вроде здесь убийца или защитите Ваше Величество, в то время как военные и судебные чиновники успели лишь броситься на алтарь, а покушение уже неожиданно завершилось.

Быстрее всех, разумеется, среагировал Цзян Су.

Среди всех присутствующих он стоял ближе всего к Цзян Цзэ, поэтому, когда убийца был мертв, он уже оказался рядом с Цзян Цзэ. Он даже не взглянул на нападавшего, а с замирающим от страха сердцем вцепился в запястье Цзян Цзэ, тщательно оглядывая его с ног до головы. Лишь убедившись, что тот не пострадал ни на йоту, он вернул чуть не выпрыгнувшее из горла сердце на место.

Только после этого он перевел взгляд на труп убийцы.

Поспешивший к месту происшествия судебный чиновник сорвал с лица нападавшего маску, обнажив самое заурядное лицо.

Цзян Цзэ уже узнал его.

этого убийцу звали Не Син, в прошлом он был мясником. В прошлой жизни Цзи Мин замыслил покушение на наследного принца Юя и неизвестно какими путями отыскал этого скрывавшегося среди простого народа наемника. Вскоре наследный принц Юй, желая снискать народную любовь, лично навестил тяжелобольного подчиненного. Проезжая мимо уединенного места, он увидел, как несколько мужчин оскорбляют и бьют старика, и, не стерпев жалости, лично помог старику подняться, никак не ожидая, что его насквозь пронзит меч и он лишится жизни.

Слуги опомнились лишь тогда, когда наследный принц Юй уже испустил дух, однако к тому моменту Не Син благополучно скрылся, и даже в последующие два года в государстве Суй не нашлось никого, кто смог бы предать его правосудию.

Убить человека за десять шагов, не оставляя следов на тысячи ли — именно о таких людях ходила эта слава.

Не Син исчезал надолго. Когда же он появился вновь, то по приказу императора Чу Ми Цзиня прибыл, чтобы убить Цзян Цзэ, уже захватившего государство Суй.

В то время Цзян Цзэ как раз с почестями похоронил Чжан И и, услышав, что в горах нашли вещи, якобы принадлежавшие Цзян Су, не задумываясь пожелал принять этого человека, после чего и столкнулся с покушением.

Но на сей раз Цзян Цзэ не умер.

Точно так же, как и сегодня, Цзян Цзэ раздавил горло Не Сина и вонзил зажатый в его руке короткий меч ему в грудь. После чего он приказал вывесить его тело на городской стене на три дня и три ночи под палящим солнцем в назидание остальным.

Он ненавидел Не Сина ничуть не меньше, чем Цзи Мина.

Потому что он всё это время подозревал, не был ли Цзян Су убит руками Не Сина.

Судя по воспоминаниям Чжан И прошлых лет, Цзян Су разбил войска Цзи Мина и одержал блестящую победу, но в то же время, осознав всю кровопролитность и жестокость войны, исполнился раскаяния. Он решил отказаться от мятежа и вернуться ко двору, чтобы предстать перед Цзян Цзэ с повинной. Поэтому он передал половину военной бирки своему военачальнику, дабы в случае нападения Цзи Мина было кому командовать отражением армии, а сам взял лишь с десятков преданных людей и помчался на быстрых конях.

Преодолевав горы и реки, изнуренные до предела, они остановились на ночлег в доме горного охотника. В тот вечер они съели взятый с собой сухой пай и запили водой, принесенной охотником, после чего почувствовали помутнение рассудка и головокружение. Поняв, что попал в ловушку, Цзян Су в панике выбежал наружу и в конце концов был загнан в угол у крутого обрыва несколькими людьми. Впоследствии Цзян Су погиб, а Чжан И с последней волей Цзян Су скатился со склона и, влача жалкое существование целых семь лет, наконец выполнил поручение.

Целых двадцать один год.

Все двадцать один год он то и дело вспоминал эти воспоминания Чжан И, мысленно воссоздавая ту картину. Позже он даже лично прошел тем же путем, которым шел Цзян Су, нашел ту самую деревянную хижину, где они останавливались, словно воочию переживая и моделируя все обстоятельства, с которыми они тогда столкнулись.

В этой давней истории было слишком много неясностей.

Во-первых, зачем Цзян Су понадобилось возвращаться заблаговременно, а не являться с повинной вместе с победоносной армией; во-вторых, даже если он возвращался с повинной,

почему он так спешил и несколько дней подряд мчался вперед, пока из-за сильной усталости не остановился на ночлег в горной деревушке; в-третьих, половина тигровой бирки Цзян Су бесследно исчезла и больше никогда не объявлялась; в-четвертых, действительно ли тот охотник был переодетым Не Сином и кто стоял за теми людьми, что убили Цзян Су?

Все эти прошлые события уже были погребены под потоками пролитой крови и грудami сваленных тел. Даже проживи он жизнь заново, из-за того что всё вокруг изменилось, правда, возможно, так и не всплывет на поверхность.

Цзян Цзэ медленно пришел в себя.

Он протянул руку и крепко сжал ладонь Цзян Су.

Он сжимал её так крепко, что даже слегка дрожал. Когда Цзян Су уже засомневался, стоит ли заключить его в объятия, чтобы утешить, тот ослабил хватки и, скрывшись за широкими рукавами, переплел свои пальцы с его пальцами, ладонь в ладонь.

Цзян Су, разумеется, замер.

Поскольку он расправился с Не Сином без малейших колебаний и утаек, сейчас аура вокруг Цзян Цзэ достигла своего пика. Окружавшие их гражданские чиновники уже сплотились вокруг, три министра наперебой принялись расспрашивать о безопасности Цзян Цзэ и о дальнейших делах, вокруг стоял сплошной шум. Цзян Цзэ больше не сдерживался и молча обвел взглядом присутствующих.

Его взгляд был исполнен такой отрешенной безмятежности, что всего одного его мгновения хватило, чтобы заставить замолчать всех столичных чиновниках.

Восемнадцатилетний юноша как раз находился в периоде ломки голоса. Перед Цзян Су он старался делать голос как можно более чистым и приятным, но теперь он больше ничего не изображал и произнес рубящим, непоколебимым тоном, в котором уже отчетливо слышались нотки будущей властности:

— Расследовать.

В прошлой жизни наследный принц Суй Юй погиб именно в это время. В нынешней жизни Не Син появился здесь — кто приказал ему явиться сюда и совершить покушение?

Церемониймейстер слегка дрожал всем телом и с опаской, дрожащим голосом обратился к Цзян Цзэ:

— ...Тогда, это жертвоприношение Небесам... Ваше Величество, не следует ли...

— Продолжать.

Хотя жертвоприношение Небесам удалось продолжить, настроение у всех было совершенно противоположным — люди до смерти боялись появления еще одного убийцы, который мог бы покончить с Цзян Цзэ. Поэтому, даже когда Цзян Цзэ до самого конца держал Цзян Су за руку, стоя с ним плечом к плечу на алтаре во время проведения великой церемонии, а также отменил парный танец с танцевальной труппой под музыку Юньмэнь, церемониймейстер издал лишь слабый протест и поспешно умолк под ледяным взглядом императора.

Все вокруг заметили, что в Цзян Цзэ что-то неуловимо изменилось.

— По крайней мере, по сравнению с его прежним поведением при дворе, его свирепость возросла далеко не на один уровень.

Предыдущие поленницы были разбросаны по всему алтарю, и слуги со страхом и трепетом поднесли запасные дрова. Цзян Цзэ принял факел, велел принести еще один, и вместе с Цзян Су они зажгли жертвенный костер.

Это было то самое дело, которое Цзян Су когда-то давно планировал совершить сам.

Но стоя на этом месте и совершая это действие, Цзян Су на мгновение ощутил всю бурю переполнявших его чувств.

Он вспомнил слова, некогда сказанные ему Цзян Цзэ: я верну императорский трон брату, и тогда лишь презрительно усмехнулся. Ведь на самом деле для него в тот момент эти слова звучали не иначе как насмешка.

Сколько бы сильно он ни баловал Цзян Цзэ, сколько ни уступал ему бесчисленное множество раз, с самого детства и по сей день ведущую роль всегда играл именно он. Он требовал, чтобы Цзян Цзэ учился — и Цзян Цзэ учился вместе с ним; он требовал, чтобы Цзян Цзэ занимался боевыми искусствами — и Цзян Цзэ занимался вместе с ним; он требовал, чтобы Цзян Цзэ был послушным и рассудительным — и Цзян Цзэ беспрекословно слушался его...

Что бы он ни потребовал от Цзян Цзэ, тот всегда соглашался с улыбкой. И со временем он стал воспринимать всё это как должное. Цзян Цзэ неизменно принадлежал ему, даже если бы подрос, женился и завел детей.

Но Цзян Цзэ так и не вырос.

Он уже стал императором целой страны.

Цзян Су почти не мог вынести внезапного изменения в их социальном положении. Это ощущение бессилия, невозможность хоть чем-то управлять, он уже испытал однажды, когда

умерла его мать, и испытал во второй раз, когда лишился императорского престола, и он вовсе не желал переживать это в третий раз.

Поэтому он выбрал мятеж.

Но Цзян Цзэ отличался от него.

Он упрямо верил, что должен вернуть брату всё до последней крохи, и действительно скрыл свои острые грани, забросил государственные дела, позволяя чиновникам увещевать его в лицо или вздыхать за спиной, ведя себя подобно заурядному глупцу. Он предоставил ему возможность совершать деяния, что останутся в веках, а когда чиновники решили, что он способен уступить престол мудрейшему, он плавно вернул императорскую власть ему.

И лишь столкнувшись вновь с угрозой смерти, он обнажил принадлежащую ему истинную мощь.

Какая поразительная, какая вызывающая трепет мощь!

Он... признавал себя побежденным.

<http://bllate.org/book/24702/2911607>